

* * *

Как странно я жила! Как медленно дышала
Небесною водой немислимых глубин!
И тайный страх точил серебряное жало –
Но мир меня хранил, и ты меня любил.

Империя в дыму как белый храм на круче.
И тридцать лет прошло – а всё ещё в дыму.
И ты в чужом краю. Но так, наверно, лучше –
Мой странный дар теперь не нужен никому.

Мучительным глотком таинственной свободы
Насытилась душа, и обожглась, и к ней
Слетаются слова неведомой породы,
Светясь, как снегири на тонких ветках дней.

Империя в дыму. Взгляд, опуская долу,
Не высмотреть зари, не выдохнуть – беда!

Горè глаза, горè – где звèзды и глаголы,
Где ускоряет ток небесная вода.

* * *

Попивая лихой коньячок из горла:
– А ты знаешь, какой она прежде была!
Как любил-горевал, миловал-погибал,
Как беспечно ночную черёмуху рвал!..

Что мне делать, Господь, с этим горем чужим?
Он поэт, он умрёт через год с небольшим
От сердечного приступа в доме пустом –
И теперь только я буду помнить о том,
Как любил-погибал, как черёмуху рвал,
Коньяком суррогатным тоску заливал...

Всё по силам, Господь, ибо Ты милосерд.
Мне сказали: полицию вызвал сосед.
Дверь взломали под вечер. В раскрытом окне
Полыхала метель и металась в огне.
Он ничком бездыханно лежал у стола...

Я не знаю, какой она прежде была,
Как пылала и пела, сводила с ума
Вся в огнях и черёмухе майская тьма,
Как любила, лгала и была неверна –

Но черёмуха шествует мимо окна,
Торжествуя, пылая, маня и казня,
И на ветках её не убудет огня.

* * *

Так останься же тайной отрадой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отречение
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свечение
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто не молит золу золотую:
Озари, воскреси, оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви...

Так останься же памятью майской
За оградой прожитых лет,
Где сияет прощальной лаской
Фонаря остывающий свет...

СТРЕЛОЛИСТ

Над теченьем илистым и мглистым
Белый пар пронизан стрелолистом –
Натянулся звонкой тетивой
Берег под водою и травой.

И дрожит невыразимой мўкой
Лёгкий воздух над крутой излукой –
Словно бы смертельная струна
Из последних сил напряжена.

И, гремя пустыми колчанами,
Чёрный миг уже стоит за нами.
Только обернёшься – за спиной
Гул идёт небесный ледяной.

Страшно по степи ходить дозором,
Счёт забыв своим печальным зорям,
Чувствуя, как дышит пустота
Прямо от дорожного креста.

Тетива звенит невыносимо,
Чёрный перемешивая с синим,
Словно на разрыв и на излом
Пробуя небесный окоём.

Сколь прочна таинственная жила
И крепка излука, где из ила,
Выйдя на дозорную версту,
Стрелолысты целят в высоту?

* * *

Вязкая тревога – словно вызрела
В воздухе чудовищная ложь.
Тьма стоит на расстоянье выстрела –
Дальше ни на шаг не отойдёшь.

И её не уличить в обмане нам –
Тьме, похоже, просто всё равно,
Кто в её прицеле затуманенном
Двигается как светлое пятно.

Часовые сняты, псы прикормлены –
Но за этой страшной тишиной
Мы стоим, предчувствием прикованы
К тайным рубежам земли родной.

Лишь на ней, весенней силой вспоены,
Сомкнуты корнями как трава,
Смогут удержаться наши воины –
Наши чувства, мысли и слова.

* * *

Всё ничего, а позовёшь – не вскинется,
Ресницами тебе не дрогнет встречь
Печальница, молитвенница, схимница,
Спасительница речь.

Не пожалеешь – глянула бы пристальной! –
И смутный век за мимолётный взгляд.
Она стоит у жизни, как у пристани,
Где корабли горят,

Где светит через алое и чёрное
Глубокая морская синева,
Где не спросить: о Господи, о чём же я? –
Слова, слова...

Что видно ей через завесу дымную?
А дале – через тысячи завес?
Но сколько ни живу – живу и думаю:
Мы здесь,

У этой страшной пристани пылающей,
Где пламя с каждым выдохом сильней, –
Мы не одни. Мы рядом с ней пока ещё.
Мы здесь, пока мы будем рядом с ней.